

ИРОНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПУБЛИКАЦИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО «НОВОСТИ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Статья посвящена анализу недатированной публикации Арсения Тарковского «Новости античной литературы», состоящей из эпиграмматического цикла «Новые подражания древним» и двух писем – обращения лирического героя, Арсиноя Аттического, к редакции «Эллинистической литературной газеты» и ответного послания от редакции. Если эпиграммы при поверхностном восприятии текста представляют собой травестию античной литературы, то письма служат ключом к раскрытию иронического дискурса публикации, проявляющегося на трех уровнях: как самоирония, ирония над современностью и ирония, связанная с жанром античной эпиграммы как восхваления в пародийно-насмешливой форме.

Ключевые слова: Арсений Тарковский; античная литература; греческая эпиграмма; русская поэзия.

Внимание Арсения Тарковского к Античности способствовало рождению не только стихотворений, содержащих античный претекст (яркой иллюстрацией обращения к классическому наследию служит ряд стихотворений, в которых Античность вынесена в заглавие: «Елена» (1938), «Психея» (1941), «Дриада» (1945–1946), «Кора» (1958), «Сократ» (1959), «Превращение» (1959), «Эсхил» (1959), «Эвридика» (1961)), а также стилизации («Из Анакреона», 1935), пересказа («Мщение Ахилла», 1965) и обособленной в жанровом аспекте недатированной публикации «Новости античной литературы», представляющей собой цикл эпиграмм «Новые подражания древним», опубликованный под именем Арсиноя Аттического в сопровождении писем к и от редакции.

Для художественного сознания Арс. Тарковского на ранних этапах творчества характерно следование поэтической традиции XIX в. – эстетическое возвышение классического наследия, восприятие искусства Античности как идеала, образца, нормы ритма, гармонии и красоты. Высокое отношение поэта к Античности, идеализирование искусства древности, характеризующее ранний этап его творчества, продекларировано в воспоминаниях, посвященных Г. Шенгели (февраль, 1958 г.): «Еще не так давно я полагал, что стихи следует писать на старые, проверенные, классические темы, о падении Трои например, и любовные, причем современность может присутствовать в стихах только последнего рода, – любовных. Это было заблуждение, не менее, впрочем, удивительное, чем всякое другое заблуждение. Шенгели рассеял его. Он стал моим учителем во всем, что касалось стихотворчества. Прежде всего, он обучал меня современности. Когда я забирался на античные горы слишком высоко, он хватал меня за ноги и стаскивал на землю» [1. С. 185]. Однако слова Арс. Тарковского о переходе от Античности к современности на сюжетном уровне свидетельствуют и о начале трансформации рецепции Античности в художественном сознании поэта, сокращении дистанции между Античностью и современностью, что в дальнейшем будет служить предпосылкой использования античного материала в современном контексте.

«Новые подражания древним» при поверхностном восприятии цикла выглядят как травестия античной литературы, пародия на забытую древнегреческую

эпиграмму, на что указывают и слова из письма от редакции: «Все же, несмотря на их несвоевременность, мы Ваши стихи решили напечатать: и на них найдутся читатели – худо-бедно два человека: первый – Ф.А. Петровский, второй – С.П. Маркиш. Они – эллинисты, им и карты в руки!» [Там же. С. 129]. Однако, как отмечает Ю.Н. Тынянов, «...пародийные произведения обыкновенно бывают направлены на явления современной литературы или на современное отношение к старым явлениям; пародийность по отношению к явлениям полузабытым мало возможна» [2. С. 294]. Так, пародирование текстов древнегреческих эпиграмматистов с единственной целью десакрализации античной культуры ставится под сомнение.

Цель статьи – анализ публикации Арс. Тарковского «Новости античной литературы», объяснение причины травести античной культуры и, как следствие, раскрытие эволюции рецепции Античности в художественном сознании Арс. Тарковского.

Если название эпиграмматического цикла («Новые подражания древним») вводит его в жанровую парадигму «Подражаний» классического периода (К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин), то установка на обновление традиции («новые»), пародийно-иронический характер и, следовательно, цель создания, отличающая публикацию от предшествующих подражаний, позволяют говорить об отклонении от эстетического восприятия Античности, характерного для XIX в., и ставить публикацию в один ряд с «Антологией античной глупости» О. Мандельштама, что подтверждает и оценка текста А.А. Ахматовой, описанная в воспоминаниях М. Синельникова: «Несомненно Ахматовой, столь остроумной, импонировало остроумие Тарковского. Она знала его “Новые подражания древним”, несколько напоминающие любимую акмеистами мандельштамовскую “Антологию античной глупости” (и в этом жанре Тарковский выглядел как бы продолжателем всегда милого Мандельштама)» [3].

О времени написания «Новостей античной литературы» мы можем догадываться, исходя из их содержания и биографических сведений об авторе. В 1946 г. в доме Г.А. Шенгели и его жены, поэтессы Н.Л. Манухиной, Арсений Тарковский знакомится с А.А. Ахматовой, и в этом же году после постановления ЦК КПСС «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа книга А.А. Тарковского «Перед снегом»,

опубликованная позже, в 1962 г., снимается с производства [4]. Так, год знакомства с А.А. Ахматовой и запрета выхода сборника Арс. Тарковского может служить нижней границей, определяющей период создания анализируемого текста. Кроме того, смеховое начало, проявленное по отношению к Античности, не дает возможности отнести публикацию к раннему периоду творчества Арсения Тарковского. Однако написание подобного цикла на более поздних этапах не так актуально в связи с получением Арс. Тарковским в 1962 г., в один год с сыном Андреем, признания: первый сборник поэта, запрещенный ранее, выходит в печать, в то время как в письме к редакции звучит ирония по поводу запрета его поэзии. Кроме того, в стихотворении «Новоселье», датированном 1957 г., поэт уже перечисляет имена персонажей античных мифов в одном ряду с маркирующей современность обыденной лексикой: «Но четверо нечленов профсоюза – / Атлант, Сизиф, Геракл и Одиссей – / Контейнеры, трещащие от груза, / Внесли, бахвалясь алчностью своей», «И, показав, на что они способны, / Без помощи своих железных рук / Вскочили на буфет пятирубный / И Афродиту подняли на крюк» [5. С. 282]. Введению античных мифонимов в современный контекст должна была предшествовать адаптация «высокой» Античности, упразднение дистанции между Античностью и современностью поэта, лишение Античности сакрального смысла. Так, время создания «Новостей античной литературы» предположительно можно отнести к периоду между 1946 и 1957 гг. или 1946 и 1962 гг. (но не позже 1962 г.).

Анализируемая публикация состоит из двух разделов: если в первом представлены прозаические письма, то во втором – цикл поэтических текстов, жанр которых сам автор определяет как «подражания», вынося его в заглавие, – «Новые подражания древним». Однако явление подражания, по мысли Ю.Н. Тынянова, тесно соотносено с пародией [2. С. 292], которую, по замечанию Н. Пьеге-Гро, следует отличать от бурлескной травести (механизм травести служит перевод в низкий стиль) и стилизации (если в основе пародии лежит трансформация, то в основе стилизации – имитация «гипотекста») [6. С. 95]. Различные эпиграммы цикла Арс. Тарковского представляют собой травестию как перевод в низкий стиль, стилизацию как имитацию первоисточника и пародию (или подражание) как изменение сюжета при сохранении стиля претекста.

В двух эпиграммах цикла Арс. Тарковского «Новые подражания древним» – «На статую Мелиты» и «На скульпторов» – в снижающе-ироническом ключе обыгрываются тексты древнегреческого эпиграмматиста Руфина, восхваляющие красоту деи Мелиты и талант древнегреческих скульпторов запечатлеть в камне красоту человеческого тела или облика человека, некогда созданного согласно мифологии Зевсом. При этом первая эпиграмма («На статую Мелиты») представляет собой яркий элегический дистих («Встала с постели Мелита и левой ступила ногою. / Фидий увидел ее. Дева осталась нагой!» [1. С. 130]), а во второй («На скульпторов») почти буквально вос-

производится стих из античного источника, но в новом контексте: «Где я Праксителя нынче найду? Где рука Поликлета» [7. С. 334] Руфина заменяется у Арс. Тарковского на «Где достославный Пракситель и где рука Поликлета» [1. С. 131] (необходимо отметить, что имя Праксителя упоминается также в возвышенных эпиграммах Мелеагра («Статую создал Пракситель Эрота паросскую, облик...» [8. С. 253], «Древний ваятель Пракситель прекрасную статую создал» [Там же]), Поллиана («Рук Поликлета – Поликсена; другой не касался...» [7. С. 383])).

Краткость формы, помещение отрывка первоисточника в новый контекст – яркие признаки травестийного пародирования, но подобное ироническое снижение «высоких» текстов – это не только осмеяние, но и адаптация. Н. Пьеге-Гро замечает: «Было бы, однако, неверным сводить бурлескное травестирование к одной только десакрализации и представлять его как всего лишь бесцеремонную манипуляцию текстами. Ведь при такого рода переименовании произведений все же сохраняется их сюжетная структура; она осовременивается, и публике становится доступным текст, который в ином случае, из-за исторической дистанции и эпической монументальности, остался бы от нее далек» [6. С. 103]:

Где я Праксителя нынче найду? Где рука Поликлета,
Прежде умевшая жизнь меди и камню придать?
Кто изваяет теперь мне душистые кудри Мелиты,
Взор ее, полный огня, блеск ее груди нагой?
Где вы, ваятели? Где камнерезы? Ведь надо же строить
Храм для такой красоты, как для подобы богов.
(Руфин [7. С. 334])

Разнообразные руки и разнообразные ноги,
Бедра и груди Зевес к торсам людей прикрепил.
Где достославный Пракситель и где рука Поликлета,
Чтобы в скульптуре явить разнообразие чресл?!
(Арс. Тарковский [1. С. 131])

Однако одновременно подобное травестирование не свидетельствует о нивелировании ценности античных произведений в сознании Арс. Тарковского. «В то же время подобный способ действий свидетельствует об уважительном отношении к произведениям прошлого и о сохранении иерархических связей между ними: “Вергилий наизнанку” а contrario способствует осознанию величия Вергилия и Гомера. Когда же ощущение этого величия и осознание иерархии жанров, стилей и отдельных произведений притупляются, бурлескная травестия становится малоинтересной, и читатель перестает воспринимать ее комизм, бесцеремонность, сатирическую направленность и т.п.» [6. С. 103].

Однако бурлескное травестирование античного первоисточника прослеживается лишь в приведенных двух текстах, эпиграмма «На козла» также представляет собой пародию, но без снижения, это лишь небольшая трансформация сюжета при сохранении стиля, в этом случае можно говорить об искусном подражании, которое является основой «эстетики отклонения, а не копирования. В нем также проведено основополагающее различие между рабским подражанием и подражанием свободным. Подражание не должно превращать поэта в раба, оно для него лишь

Видишь, как важно и гордо на свой подбородок
 лохматый
Смотрит, уставя глаза, Вахов рогатый козел?
Чванится тем он, что часто в горах ему нимфа Наيدا
Космы волос на щеке розовой гладит рукой.

(АНИТА [8. С. 54]).

Мерзок, когда погляжу, шерстолахматый козел!

Расширение интереса к быту, частной жизни, личным чувствам в античной эпиграмме способствует воскрешению и литературизации женской поэзии [8. С. 347], эпиграмма Арс. Тарковского «На козла» представляет собой вольное переложение текста Аниты, сумевшей преобразовать эпитафии в изящные законченные жанровые картинки [Там же. С. 348], и расширяет перечень греческих поэтов-эпиграмматистов, упоминаемых Тарковским, до женских имен.

Однако остается интересен выбор Арс. Тарковским объекта для подражания. По замечанию Н. Пье-ге-Гро, «и поэты эпохи Возрождения, и тем более все поэты эпохи классицизма полагали, что необходимо подражать древним (и а contrario избегать всякого подражания современникам) по той причине, что именно в их произведениях нашел воплощение рациональный и универсальный идеал прекрасного» [б. С. 154], но Арс. Тарковский для подражания выбирает античную насмешливо-сатирическую эпигramму, что дает возможность следовать античным образцам, од-

Смеховое начало и следование традиции обозначены и в имени лирического героя – Арсиноя Аттического. Древнегреческое по происхождению имя «Арсений» заменяется на «Арсиной», встречающееся у Гомера («Илиада», 11, 625), кроме того, имя может служить указанием на эллинистический город Арсиноя (ранее Крокодилополь), расположенный в Фаюмском оазисе, где были найдены античные папирусы, получившие одноименное название («И, не надеясь на память, нанес на фаюмский папирус» [8. С. 130]); в сочетании «аттическая соль» лексема приобретает значение «тонкая острота», «остроумная насмешка», что соответствует характеристике автора подражаний; может быть производной от Аттики – центра духовной жизни Греции, в этом случае лирический герой (поэт) оказывается причислен к аттической культуре, либо обозначать период (V–IV вв. до н.э.), предшествующий эллинистическому (III–I в. до н.э.), что указывает на принадлежность лирического героя к «золотому веку» Античности.

Однако среди имен греческих эпиграмматистов (Мнасалк (Мнаралк), Симонид, Филипп Фессалоникский, Филодем, Феодорид) упоминаются трагик Сосифей (эпиграмму которому посвятил Диоскорид – «Сатир над могилой Сосифея» [8. С. 168]), герои древнегреческих эпиграмм («Мертвым внесли на щите Фрасибула в родную Питану» (Диоскорид [7. С. 279]), «Это Телевтий, Феодора сын. Из людей несравненно / Всех был могучее он, так же как я среди зверей (Антипатр Сидонский [8. С. 201]), Харидант, Ферид, Клеомброт (герои эпиграмм Каллимаха), «Наннион и Битто, обе с Самоса, храм Афродиты...» (Асклепиад Самосский [8. С. 70]), Демо (героиня эпиграмм Мелеагра и Филодема), вымышленные имена

(Сахарей, Антиген, Витамина) и мифологический герой Саон. Имя Питан также является вымышленным, однако служит отсылкой к личности поэта-эпиграмматиста Диоскорида, которому принадлежит строка «Мертвым внесли на щите Фрасибула в родную Питану». Город Питана упоминается в эпиграммах и других авторов, например в «Эпитафии Клина-рете» Антипатра Сидонского: «Брачное ложе шафранное все из Питаны невестке / Было раскрыто уже дома в чертогах златых» [8. С. 209]. Однако ставить в один ряд реальное (Фрасибул) и вымышленное (Питан) имена («О Сосифей, Фрасибул, Питан, Мнаралк и Телевтий...» [8. С. 129]) Тарковскому позволяет стих Диоскорида.

Сложное переплетение имен древнегреческих эпиграмматистов и героев их эпиграмм служит созданию эффекта преемственности внутри группы, к которой причисляет себя и Арсиной Аттический, введение вымышленных стилизованных имен обозначает обновление традиции при сохранении классической внешней формы, что было присуще, например, поэзии Каллимаха, и переход жанра эпиграммы как эпитафии в жанр художественной литературы. «А наряду с реальными людьми – служителями муз, благонравными юношами, верными слугами, в эпиграммах Феокрита появляются мифические персонажи, герои пастушеского фольклора и сельские божества – Дафнис, Тирсис, Пан, Галатей» [Там же. С. 355–356].

Обращение лирического героя, Арсиной Аттического, к реальным греческим эпиграмматистам и вымышленным героям – «Братья мои и друзья» – это установка на признание вымышленности лирического героя и одновременно принадлежности поэта к кругу древнегреческих эпиграмматистов, многие из текстов которых были найдены в Египте (одним из мест ценных находок оказался Фаюмский оазис, отсюда произошло название «фаюмских папирусов»). При этом собственный текст лирический герой также сравнивает с фаюмским папирусом как захороненным, непрочитанным при жизни автора.

При анализе эпиграммы «К друзьям и подругам» удастся установить, что авторы, которым подражает Тарковский, относятся к аттическому (V–IV вв. до н.э.) и эллинистическому (III–I вв. до н.э.) периодам древнегреческой литературы: Симонид (556–468 гг. до н.э.), Анита (конец IV – начало III в. до н.э.), Диоскорид, Мнасалк (III в. до н.э.), Антипатр Сидонский (конец III – II в. до н.э.), Каллимах (305–240 гг. до н.э.), Асклепиад Самосский (первая половина III в. до н.э.), Феодорид (вторая половина III в. до н.э.), Филодем (начало I в. до н.э.). Размытость хронологических границ и отношение авторов к периодам не позднее аттического ставит под сомнение буквальное понимание слов лирического героя: «...унылость прилагаемых при сем “Подражаний” авторам еще более древним, чем ваш покорный слуга» [1. С. 128]. Если принадлежность лирического героя, живущего в Элладу эллинистического периода, к аттическому периоду можно трактовать как несогласие печатных изданий на публикацию текстов («Когда эти “Подражания” дойдут до Вас? В каком номере нашей уважаемой “Эллинистической ли-

тературной газеты” они найдут подобающее им место? Не знаю! Не торопятся наши бегуны-почталыоны! Торопитесь, ибо проживу я на свете еще лет пятьдесят, даст Зевес – все сто, но никак не более» [Там же. С. 128]; «Ух! – сколько времени прошло с той поры, когда вы отправили свое послание со стихами, до его получения! Почта Ваша и впрямь не торопится. Да и адреса на конвертах для нее что твой темный лес» [Там же. С. 129]), то слова: «Вот чему обязана своим происхождением унылость прилагаемых при сем “Подражаний” авторам еще более древним, чем ваш покорный слуга», – исключительно как причисление себя к современности, на что указывает и ответ редакции: «Какая же мы “Эллинистическая (!) литературная газета”?! Ваши стихи за истекшие восемнадцать столетий несколько устарели. Советуем Вам подучиться у новейших авторов: Шекспира, Афанасия Фета, Франчески Петрарки, Саши Черного, Антиоха Кантемира и Вильгельма Левика» [Там же. С. 129].

Травестия, пародирование и стилизация древнегреческих эпиграмм оборачиваются иронией над современностью, подтверждением чему служат строки: «Неважно живется нам в нашей Элладу эллинистического периода! С гигиеной не все обстоит благополучно, телеграфа нету, почта плохо работает» [Там же. С. 128]. Верхом иронии над современностью оказываются слова редакции газеты: «Все же, несмотря на их несвоевременность, мы Ваши стихи решили напечатать: и на них найдутся читатели – худо-бедно два человека: первый – Ф.А. Петровский, второй – С.П. Маркиш. Они – эллинисты, им и карты в руки!» [Там же. С. 129].

Старший из упоминаемых в «венке» А. Тарковского поэтов-эпиграмматистов – Симонид – считается основоположником насмешливой, сатирической эпиграммы. Так, для А. Тарковского точкой отсчета служит возникновение эпиграммы как пародийного жанра. Кроме того, следование обновлению традиции, связанному с жанром эпиграммы, проявляется в указании авторства: «Но запишу и себя. Имя мое – Арсиной!» [Там же. С. 130]. Многовековая традиция анонимности эпиграмм была ниспровергнута в конце V в. до н.э., когда сочинитель посвячительной надписи Ион Самосский вставил в основной текст имя посвячителя: «Эти стихи сочинил житель Самосский Ион» [8. С. 344].

Установка на реакцию адресата в античной эпиграмме постепенно преобразовалась в диалог. Переход от повествовательной к диалогической форме, введение взволнованных восклицаний, вопросов заметно в текстах Симонида, Мелеагра [Там же. С. 363], традиции диалогизма следует Тарковский: «Пафнутий, продай лесопилку!» [1. С. 129], «И что хорошего, нимфы, / Вы усмотрели в таком шерстолахматом козле?» [Там же. С. 130], «Если ты веришь Зенону, сложи эти числа, прохожий! / Молви: – Хитрец Автопед бегал всегда босиком!» [Там же]. Кроме того, значительным для последующего развития древнегреческой эпиграммы был ее переход из надгробной надписи (эпитафии) в жанр самостоятельного, отделенного от мемориального предмета текста, что

иронически обыгрывается Арс. Тарковским в «Эпиграфии скороходу»:

Царь Александр Македонский воздвиг усыпальницу

эту –

Да упокоится в ней раб-скороход Автопед!

Триста три тысячи стадий отмерил он правой ногою,

Столько же стадий другой – левой ногою пройды.

Если ты веришь Зенону, сложи эти числа, прохожий!

Молви: – Хитрец Автопед бегал всегда босиком!

[Там же. С. 130]

Так, бурлескная травестия греческой эпиграммы, значимая для творческой эволюции Арсения Тарковского, оборачивается не только снижающей иронией, но пародированием и стилизацией, сохраняющими стиль первоисточника и подчеркивающими существование античной литературы (и шире – культуры), отличной от ее возвышенного идеала. Кроме того, в публикации виден иронический дискурс, который проявляется на нескольких уровнях как:

– самоирония;

– ирония над современностью;

– ирония, связанная с жанром эпиграммы.

В художественном мире Арсения Тарковского при заметной эволюции авторского мировоззрения и поэтики античное наследие играет немаловажную роль на всех этапах творчества поэта, однако характер использования Античного претекста трансформируется: «высокая» античность постепенно переходит в набор художественных образов, символов, прецедентных имен и вводится в современный контекст, дистанция между идеализированной возвышенной Античностью и современностью упраздняется, чему служит не просто десакрализация возвышенной античной культуры, а открытие ее иной, неидеализированной, насмешливой, сатирической грани. «Новые подражания древним» Арс. Тарковского – не только бурлескная травестия античной культуры, но пародия и стилизация древнегреческой эпиграммы, однако именно путем выбора материала для подражания (насмешливая эпиграмма) достигается эффект демистификации «высокого» классического наследия и перевод его в «эзопов язык», благодаря чему обращение к античному претексту оборачивается иронией над современностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2 : Поэмы; Стихотворения разных лет; Проза. М. : Худ. лит., 1991. 270 с.
2. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. 573 с.
3. Синельников М. Там, где сочиняют сны. Знамя. 2002. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/7/sinel.html>
4. Хроника жизни Арсения Александровича Тарковского (составлена М.А. Тарковской). URL: <http://insocinf.com/a0001002.htm>
5. Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 : Стихотворения. М. : Худ. лит., 1991. 462 с.
6. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
7. Голосовкер Я.Э. Антология античной лирики в русских переводах. Лирика Эллады. Кн. Вторая. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2006. 616 с.
8. Чистякова Н.А. Греческая эпиграмма. СПб. : Наука, 1993. 448 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 января 2015 г.

IRONIC DISCOURSE IN ARSENY TARKOVSKY'S PUBLICATION OF "NOVOSTI ANTICHNOY LITERATURY" ("NEWS OF ANCIENT LITERATURE")

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 37-42. DOI 10.17223/15617793/393/5

Tsypliyova Polina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anilopa87@mail.ru

Keywords: Arseny Tarkovsky; ancient literature; Greek epigram; Russian poetry.

The article is devoted to the analysis of Arseny Tarkovsky's dateless publication of "Novosti antichnoy literatury" ("News of Ancient Literature") consisting of an epigram cycle "Novye podrazhaniya drevnim" ("New Imitations of Ancients") and two letters – to and from the Publishing House. Broadly, the epigrams are travesty of ancient literature, whereas the narrator's (Arsinoy of Attica) appeals to the Editorial Board of *Ellinisticheskaya literaturnaya gazeta* ("Hellenistic Literary Newspaper") and the response from the Editorial Board are a key to the ironic discourse of the publication manifesting itself at three levels: self-irony, irony at modern times, and irony concerned with the ancient epigram genre as a way of praising in a parodic form. The aim of the article is to analyze Arseny Tarkovsky's publication "Novosti antichnoy literatury", explain the reasons for the travesty of ancient culture and, subsequently, discover the evolution of the Antiquity reception in the artistic consciousness of A. Tarkovsky. Burlesque travesty of the Greek epigram, significant for A. Tarkovsky's artistic evolution, turns out to be not only a reducing irony, but also a parody and pastiche following the style of the original and underling the existence of ancient literature (in broader sense – culture) different from its lofty ideal. When imitating A. Tarkovsky chooses an ancient mocking-satirical epigram that gives him an opportunity to follow ancient originals, to simultaneously renew the tradition, to discover new dimensions of ancient culture and to maintain continuity, since the interest in ancient heritage is typical for all epochs from the Renaissance through classicism to the modern state of the narrator. With the significant evolution of A. Tarkovsky's outlook and poetics, ancient heritage plays an important role at all stages of the poet's literary career in the author's artistic world. However, the way of ancient pretext usage is transformed: "high" antiquity is gradually transferred into artistic images, symbols, precedent names are introduced into the modern context, the distance between the idealized lofty antiquity and modern times is eliminated due to not only desacralization of the lofty ancient culture, but also opening another, non-idealized, mocking, satirical dimension. A. Tarkovsky's "Novye podrazhaniya drevnim" is not only a burlesque travesty of the ancient culture, but also a parody and stylization of a classical Greek epigram. However, the mystification effect of the "high" classical heritage and its translation into the "Aesop language" by means of selecting materials for imitation (derisive epigram) is achieved, due to which the development of irony at modern age becomes possible.

REFERENCES

1. Tarkovsky A. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Works: in 3 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. Vol. 2, 270 p.

2. Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. The history of literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 573 p.
3. Sinel'nikov M. Tam, gde sochinyayut sny [Where dreams come from]. *Znamya*, 2002, no. 7. Available from: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/7/sinel.html>.
4. Tarkovskaya M.A. *Khronika zhizni Arseniya Aleksandrovicha Tarkovskogo* [Chronicle of Arseny Tarkovsky's life]. Available from: <http://insocinf.com/a0001002.htm>.
5. Tarkovsky A. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Works: in 3 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. Vol. 1, 462 p.
6. Piégut-Gro H. *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow: Izdatel'stvo LKI Publ., 2008. 240 p.
7. Golosovker Ya.E. *Antologiya antichnoy liriki v russkikh perevodakh. Lirika Ellady* [Anthology of ancient poetry in Russian translation. Lyrics of Hellas]. Tomsk; Moscow: Vodoley Publishers, 2006. Book 2, 616 p.
8. Chistyakova N.A. *Grecheskaya epigrama* [Greek epigram]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. 448 p.

Received: 26 January 2015